

Сергей Абдалов

Влага

18+

Сергей Абдалов

Влага

«Автор»

2026

Абдалов С.

Влага / С. Абдалов — «Автор», 2026

Виталий, бросив все свои дела, спешно отправляется в деревню, чтобы помочь внезапно заболевшему родственнику...

© Абдалов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Влага	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Влага

Влага

Виталий ненавидел эту дорогу. Он ненавидел её каждой клеткой своего городского тела, каждым нейроном мозга, привыкшего к упорядоченной логике мегаполиса. Шоссе М5 «Урал», которое на карте выглядело жирной уверенной линией, в реальности превратилось в череду рытвин, заплаток и бесконечных поворотов, за которыми ничего не ждало, кроме очередного поворота. Его новенькая «Тойота Камри» купленная всего полгода назад, уже скрипела подвеской так жалобно, словно молила о пощаде.

Он выехал из Самары три часа назад, чтобы добраться до этой богом забытой дыры — села Ключи. Дед Михаил, младший брат дедушки, позвонил вчера вечером. Голос его, обычно бодрый, звучал глухо и натянуто, будто говорил дряхлый старик, а не мужчина пятидесяти с небольшим лет.

— Приезжай, Виталька, — сипло просил он. — Худо мне. Совсем худо. Помру я тут один.

Михаил Афанасьевич никогда не был склонен к панике или ипохондрии. Всю жизнь он проработал егерем в местном лесничестве, жил бобылём, пил редко, но крепко, и отличался здоровьем быка. Если уж он сказал «помру», значит, дело действительно дрянь. Виталий, вечно занятый менеджер среднего звена, ворча про сорванные выходные, всё же бросил ноутбук в сумку и сел за руль. Чувство долга перед единственным оставшимся родственником перевесило раздражение.

Солнце, висевшее низко над горизонтом, окрасило небо в багровые тона заката, похожие на кровоподтёк. Лесополоса вдоль дороги стала совсем чёрной, плотной стеной. Навигатор на телефоне потерял сигнал полчаса назад, показывая на дисплее лишь серое пятно. Виталий сверился с бумажной картой, и свернул на грунтовку. Под колёсами захрустело.

Говорят, на том месте, где сейчас стоят Ключи, никогда не звенели косы и не мычали коровы. Там было болото. Гнилое, бездонное, покрытое изумрудным ковром ряски, под которым, по слухам, не было дна вовсе, а лишь ледяная, чёрная топь.

Село возникло не по воле государевой и не по выбору вольных пахарей. Его наспех воздвигли в конце двадцатых годов прошлого столетия, согнав сюда «врагов народа» из-под Курска и Орла. Им дали лишь топоры, пилы и приказ: «Обживайтесь».

Люди строили свои избы прямо на настиле из сырых брёвен, уложенных поверх трясины. Каждую ночь болото чавкало и вздыхало под полом, словно огромный спящий зверь. Первые поселенцы умирали быстро — от сырости, цинги и странной хвори, которую местные шепотом звали «трясучкой»: человек просто ложился спать, а утром его находили с застывшей гримасой ужаса и пустыми, белыми глазами.

Но всё это было детской страшилкой, которую Виталик пару раз слышал в детстве во время поездок с родителями в эту деревню. С тех пор он сюда не приезжал.

Через десять минут изматывающей тряски по колдобинам, от которой у Виталия уже ныла поясница и клацали зубы, впереди наконец замаячили первые дома.

«Село Ключи».

Название, очнувшийся навигатор произнёс механическим голосом, но в голове Виталия оно прозвучало иначе — вязко, тягуче, словно он пробовал это слово на вкус. Звучало обманчиво мирно. В его воображении тут же нарисовалась картинка из букваря: колодец с журавлём, резные наличники, дымок над трубой.

Однако реальность, грубая и неотесанная, быстро внесла свои безжалостные коррективы, вдребезги разбив эту идиллию. Это были даже не дома, а скорее их истлевшие призраки, скелеты былой жизни. Покосившиеся срубы стояли, опираясь друг на друга, как пьяницы после долгой гулянки. Крыши многих провалились внутрь под тяжестью снега и времени, открывая взгляду темные рёбра стропил. Окна этих мертвых коробок зияли черными, пустыми дырами, похожими на выбитые глазницы исполинского слепого существа, которое молча наблюдало за незванным гостем.

Заборы, когда-то огораживавшие палисадники, теперь завалились набок или вовсе рухнули, утонув в зарослях сухого плюща и крапивы, вымахавшей в настоящий человеческий рост. Эта зелень была агрессивной, хищной; она оплетала остатки человеческого быта, заявляя свои права на территорию. Виталий заметил старый покосившийся почтовый ящик на одном из заборов, покрытый ржавчиной настолько, что невозможно было разобрать номер дома. Он висел криво, словно чья-то невидимая рука сорвала его в приступе ярости.

Виталий медленно катился по главной улице села-призрака, чувствуя, как к горлу подступает ком. Ни одного целого стекла. Все окна были либо заколочены гнилыми досками, либо просто пустовали, предлагая заглянуть в пыльную тьму покинутых комнат. И самое гнетущее — ни одной живой души. Полное, абсолютное отсутствие движения. Не было слышно ни лая собак, ни мычания коров, ни детского смеха — звуков, которые обычно сопровождают жизнь в деревне, какой бы тихой она ни была. Тишина стояла такая плотная, что давила на уши, заставляя слышать стук собственного сердца. Казалось, само время здесь остановилось, застыло янтарной смолой в тот самый момент, когда последний житель покинул эти места. Воздух пах сыростью, прелой листвой и сухой пылью веков. Это был запах забвения.

Навигатор пискнул и наконец определил местоположение. Точка пульсировала на самом краю села. Виталий выдохнул. Хоть какая-то определённости. Он проехал мимо мёртвой водонапорной башни, покрытой ржавыми потёками цвета засохшей крови, и остановился у единственного строения, выглядевшего обитаемым. Изба деда Миши. Труба была цела, во дворе стоял старый мотоцикл «Урал». Свет горел только в одном окне — маленьком, подслеповатом, выходящем на заросший палисадник.

Виталий заглушил двигатель. Наступившая тишина оглушила. Не было слышно ни птиц, ни ветра, ни привычного фонового шума цивилизации. Только стук собственного сердца и тихий, едва уловимый звон в ушах. Он взял сумку с пассажирского сиденья и вышел из машины. Холодный воздух пах прелой землёй, грибами и чем-то ещё... сладковатым, тошнотворным, похожим на запах гниющего мяса, который ветер доносил откуда-то со стороны центра села.

Поднявшись на крыльцо, Виталий заметил, что дверь приоткрыта. Сквозь щель пробивалась полоска жёлтого света от керосиновой лампы. Он постучал костяшками пальцев по косяку. Звук получился глухим, безжизненным.

— Дед Миш? Это я, Виталий. Приехал.

Ответом ему была абсолютная, ватная тишина. Лишь где-то далеко, в глубине дома, раздался звук упавшей капли воды. Плюх. Пауза. Плюх.

Виталий толкнул дверь. Она со скрипом отворилась, открывая вид на тёмные сени. Запах внутри был ещё хуже. Смесь застарелого табака, кислых щей и той самой приторной гнили. На стене висела старая телогрейка деда Миши, покрытая пылью. Виталий перешагнул порог и вошёл в единственную комнату.

Посреди комнаты, спиной к двери, сидел человек. Даже в тусклом свете лампы Виталий узнал широкие плечи и седой ёжик волос старика.

— Ну слава богу, приехал, — голос деда Миши был хриплым, но живым. Он не обернулся. Он просто сидел на табурете и смотрел в окно, за которым не было ничего интересного — лишь темнеющий сад и край соседнего, полуразвалившегося сарая. — Раздевайся. Садись. Чай будем пить.

Виталий, пытаясь унять дрожь в руках от долгой дороги и нарастающего необъяснимого беспокойства, с глухим стуком поставил сумку с ноутбуком на дощатый пол. Звук удара показался оглушительным в ватной тишине дома, но сидящая у окна фигура даже не вздрогнула.

Что-то было катастрофически не так. Это чувство ледяной иглой кольнуло где-то под рёбрами. Напряжение, которое сквозило в каждом слове дяди Миши по телефону — эта надрывная, почти животная паника, заставившая Виталия сорваться с места посреди выходных, — куда-то бесследно испарилось. Человек, к которому он приехал, казался абсолютно спокойным. Нет, хуже того. Он выглядел умиротворённым, словно достиг наконец состояния полного, абсолютного покоя после долгих лет страданий. Так выглядят люди, принявшие смертельную дозу обезболивающего: мышцы расслаблены, дыхание ровное, а на губах играет лёгкая, отстранённая улыбка. И эта поза... дед Миша сидел слишком неподвижно. Неестественно неподвижно. Виталий вдруг с ужасом понял, что его родственник напоминает сейчас не живого человека, а старый, потрёпанный манекен из витрины универмага.

— А что случилось-то? Ты говорил, умираешь, — голос Виталия прозвучал хрипло и неуверенно. Он сделал маленький шаг вперёд, желая сократить дистанцию и заглянуть в лицо старику, чтобы разрушить это жуткое наваждение.

Дед Миша отреагировал на звук его голоса. Он начал поворачивать голову. Но движение это было чудовищно медленным, словно каждый сустав в его шее проржавел и отказывался сгибаться. Голова двигалась со скоростью минутной стрелки на старых часах, и этот мучительный поворот длился целую вечность. Создавалось тошнотворное впечатление, будто само движение причиняет существу на табурете невыносимую физическую боль, выворачивая кости и сухожилия.

Лица его Виталий сначала не разглядел. Керосиновая лампа на подоконнике стояла позади деда Миши, превратив его силуэт в чёрный монолит, а черты лица оставив в глубокой, непроницаемой тени. Он видел лишь контур седого ёжика волос и тёмный провал там, где должно быть лицо.

Но когда старик заговорил снова, Виталий почувствовал, как ледяные пальцы ужаса, о которых пишут только в книгах, становятся пугающе реальными и сжимают его сердце в болезненной хватке, мешая ему биться.

Голос был не его. Интонации, тембр, легкая хрипотца курильщика — всё совпадало идеально. Но сами слова... они были лишены всякой интонации. Они падали в тишину комнаты тяжело и безжизненно, как комья мокрой земли на крышку гроба.

— Уже нет, Виталька, — проскрипел голос из темноты. — Уже нет. Мне помогли. Теперь всё хорошо. Нам всем теперь очень хорошо. Колодец наполнился...

И тогда существо, притворявшееся дедом Мишей, завершило свой мучительный разворот. Лампа осветила то, что скрывалось в тени, и крик застрял у Виталия в горле, превратившись в беззвучный вопль чистого, животного ужаса. Глаза существа были абсолютно белыми, лишёнными радужек и зрачков, похожими на два варёных яйца. Кожа на лице натянулась так сильно, что казалось, вот-вот лопнет, обнажив жёлтый череп. Губы растянулись в широкой, неестественной ухмылке-оскале, обнажая зубы, которые были слишком длинными, острыми и росли в несколько рядов, как у акулы. С уголков чёрных влажных губ стекала на подбородок тонкая струйка густой, маслянистой жидкости цвета застоявшейся болотной воды.

За спиной существа, которое всё ещё сохраняло сгорбленную позу деда Миши на табурете, Виталий увидел источник той самой вони, что пропитала весь дом. Открытая крышка погреба.

Это был не просто открытый люк в полу. Это был портал. Из чёрного, идеально квадратного провала в дощатом полу не просто поднималась темнота — она вытекала наружу, как густой кисель или расплавленная смола. Она казалась осязаемой, вязкой; Виталий почти физически ощущал её липкое прикосновение к своей коже, хотя стоял в нескольких метрах от неё. Эта тьма не рассеивала свет керосиновой лампы, а поглощала его, создавая вокруг провала мёртвую зону, куда не доставали даже самые слабые тени.

Вместе с этой живой темнотой из недр земли сочился запах. Он уже не был просто сладковатым. Теперь это был сложный, многослойный аромат абсолютного разложения: приторная сладость гниющих фруктов смешивалась с металлическим привкусом застарелой крови и тошнотворным запахом влажной, плодородной земли с кладбища после весеннего ливня. Этот смрад обволакивал, забивался в нос и оседал на языке мерзким послевкусием.

И вдруг эта удушающая тишина взорвалась звуком. Но это был не крик и не рёв. Это был шёпот. Сначала неразборчивый, похожий на шелест сухой листвы под ногами или далёкий шум ветра в проводах. Затем он начал складываться в слова. Это был не один голос, а сотни, может быть, тысячи голосов, говорящих одновременно, сплетающихся в единый, нестройный хор. Голоса были разные: высокие детские, скрипучие старческие, глухие мужские... Они перебивали друг друга, сливались в кашу, но одна фраза пробивалась сквозь этот хаос с пугающей ясностью.

Звук, донёсшийся из погреба, не был шёпотом в привычном понимании этого слова. Это была отвратительная пародия на речь, булькающий и клокочущий хор, словно сотни утопленников, лежащих на дне заиленного омута, одновременно пытались заговорить, пуская пузыри через сгнившие лёгкие.

— Спускайся... — выдохнул этот хор, и звук был вязким, как болотная жижа.

Он не пролетел по воздуху, а скорее выплеснулся из чёрного провала, физически ударив Виталия в грудь волной смрада и липкого холода. Звук был таким, будто эти слова прошептали прямо ему в ухо, но шептал не человек, а сама вода — гнилая, стоячая вода, которая заполнила собой всё пространство вокруг. Вместе со звуком пришла волна могильного холода, от которого мгновенно заломило зубы и онемели кончики пальцев. Это было дыхание смерти, холод бездны, который пробрал его до костей, заставляя мышцы одеревенеть. Это был зов того, что уже давно перестало быть живым, но почему-то всё ещё двигалось и говорило.

А затем, с интонацией, полной неземного умиротворения и леденящего душу обещания, голоса добавили:

— Вода тёплая...

Виталию не нужно было заглядывать внутрь, чтобы понять, о какой воде идёт речь. Он представил себе эту жидкость: чёрную, стоячую, маслянистую поверхность подземного озера, где отражаются не звёзды, а лишь бесконечная пустота. И там, в этой «тёплой» толще, медленно ворочалось нечто первобытное, то самое, чьим аватаром сейчас сидело перед ним существо на табурете. Оно ждало. Ждало, когда он сделает шаг навстречу этому зову.

Виталий отшатнулся, споткнувшись о собственную сумку. Существо в теле деда Миши не шелохнулось. Оно продолжало сидеть на табурете, скалясь своей невозможной улыбкой, а из его слепых глаз, казалось, сочилась не жидкость, а сама тьма.

Инстинкт сработал быстрее разума. Адреналин выжег парализующий ужас, оставив только одну команду: «Беги». Виталий метнулся к двери, ведущей обратно в сени. Он рванул ручку на себя, но дверь не поддавалась. Заперто? Нет... Она просто внезапно прилипла к косяку от стекающей к щелям болотной каши. Парень налёг плечом, вложив всю свою панику и силу городского жителя, привыкшего жать на кнопки, а не толкать тяжести. Дерево скрипнуло, по миллиметру уступая напору.

— Не спеши, внучек, — пробублькал голос за спиной, напоминающий полоскание горла какой-нибудь настойкой против ангины. — Водичка ждёт. Тёплая, родниковая. От всех хворей лечит.

Виталий не оборачивался. Он слышал, как существо начало подниматься. Звук был неправильным. Вместо скрипа старого табурета раздался влажный, чавкающий хруст, будто кто-то выдирал корни из болотной трясины. А затем — шаги. Они были тяжёлыми, шлёпающими, как если бы ноги этого создания были бы погружены в свежий цементный раствор.

Дверь наконец поддавалась с оглушительным треском. Виталий вылетел в сени, захлопнув её за собой. Он лихорадочно зашарил руками по стене в поисках засова или задвижки. Ничего. Только шершавые брёвна. Тогда он упёрся спиной в дверь, чувствуя, как дрожат колени. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать.

С той стороны двери раздался тихий смешок. Потом — глухой удар. Дверь даже не дрогнула. Удар повторился, но уже слабее. Затем наступила тишина. Виталий стоял, прижавшись к

холодному дереву, и слушал бешеный ритм собственного пульса. Прошла минута. Две. Пять. Ничего.

«Он играет», — пронеслось в голове. Эта мысль была ледяной и отрезвляющей. Это не киношный монстр, который ломится напролом. Это что-то древнее, терпеливое. Оно знает, что добыча никуда не денется. Телефон... телефон лежал на пассажирском сиденье. Чёртов идиот! Оставил всё в машине!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.